

Бедуин в обмен на маму

> В детдоме Вера Щукина получала скупые сведения о родителях

В ТО ВРЕМЯ как родственники пропавших без вести в Великой Отечественной продолжают искать своих близких, Вера Щукина молит Бога найти хотя бы кого-нибудь, кто жил с ее родителями, знал их во время или после войны.

Жизнь пожилой женщины нельзя назвать удачно сложившейся в личном плане: короткое замужество, рождение дочери, с которой случилось несчастье... Есть взрослый внук, в котором души не чает, есть подруги, соседи. Однако чувство неприкаянности, оторванности от родных корней мучает ее сильнее год от года. Передача «Жди меня» – живой укор.

– Каждый раз смотрю и плачу, – признается она. – Люди находят близких спустя 60 лет и более, а я, наверное, так и умру, не найдя никого. Трижды отправляла заявку в поиск: в 2001-м, 2005-м и три года назад. Ти-ши-на-а-а...

Эвакуация

Первым документом, выданным ей на руки во время выпуска из Верхнеуральского детдома, было странное свидетельство о рождении за 1939 год. В нем дата появления на свет маленькой Верочки – 4 октября 1936-го, отчество – Александровна, фамилия – Щукина, а в графах о родителях – прочерки... Другими скучными документами стали справки с круглыми печатями: когда ей было три года четыре месяца – из карантинного распределителя поселка Подрезково Химкинского района Московской области, семью месяцами позже – из дома малютки № 7 города Москвы. Ее детские воспоминания начинаются с того, что ко многим ребятам приходили близкие, к Вере – никто. А потом была эвакуация в тыл летом 41-го.

– Помню паровоз полный детей, людей в касках, бомбоубежище в лесу, вой сирен и обстрелы... Ехали

почти без остановок, но когда паровоз останавливался, на станции у зазевавшихся женщин отбирали детей силой. Никто не скрывал, куда нас везут. Обидно другое – многим родителям потом сообщили, что паровоз пошел под откос и все погибли...

«Чаю попить»

В Верхнеуральске она вначале воспитывалась в детском доме для дошкольников, затем ее перевели в здание для ребят постарше. Жили не впроголодь, но и без особого достатка. Местные часто задирали детдомовских подростков обидными словами, натравливали на них собак, а те, в свою очередь, научились быть, когда надо, «зверьками» и умели постоять за себя. Воровством и грабежами не занимались, из хулиганских походов самым «криминальным» было так называемое «чаю попить».

– После отбоя бегали в чужие сады и огороды с наволочкой от подушки, набирали всякой снеди: яблок, морковки, свеклы, огурцов. Если попадались местным или воспитателям – крепко влетало, – рассказывает Вера Александровна.

Папа на границе

Во время войны родственники разыскивали эвакуированных детей, продолжали их забирать и в послевоенные годы. У одной женщины в 41-м в Верхнеуральск эвакуировали троих ребятшек. Несмотря на известие о крушении паровоза, она отправилась на Урал – материнское сердце шептало: «Хоть один да жив». Не застала в живых только младшего сынишку – он умер от болезни за месяц до ее появления в детдоме...

Дважды воспитатель Нина Ногаева показывала Вере справку размером чуть больше спичечного коробка, в которой говорилось: ее папа служит на границе. Третья бумага стала из-

вещением о без вести пропавшем. С матерью было сложнее. Сведения никаких. Как-то раз все тот же воспитатель предложила искусно вышивающей крестиком Верочке: «Вышьешь мне бедуина – найду твою маму». Когда на чистой рогожке стал появляться экзотический рисунок, Нина Васильевна дала девочке документ, на котором непонятным почерком было выведено примерно следующее: Щукина Елена Николаевна (а может и Ивановна – дочь уже не помнит точно) осуждена в таком-то году по такой-то статье.

– Срок был небольшим – три или четыре месяца. Кто знает, что произошло – тогда ведь могли осу-

дить и за ложку, и за картошку... – рассуждает Вера Александровна. – Еще было в справке длинное нерусское имя.

Увидев мое недоуменное лицо, воспитатель успокоила: «Вырастешь – поймешь».

Они вместе стали писать письма и ждать ответов, но все, которые получали, были коротки: «Выбыла туда-то». Последний вовсе расстроил девочку: мать уехала в неизвестном направлении. Психанув, Вера порвала письма и разревелась: «Хватит. Больше искать не будем».

Я не сирота

Из того же упрямства, а, может, надеясь, что ее все-таки найдут, она ни за что не хотела, чтобы ее удочерили, когда, выстроившись в ряд перед потенциальными родителями, остальные дети ждали – кого выберут. Дважды выбор падал на миловидную и шустрю Веру, но она была непреклонна: «Я не сирота. У меня есть папа и мама». Однажды в детдом привезли худощую, болезненного вида девочку. Майор-отец просил воспитателей позаботиться о дочери – ему предстояла сложная операция и долгое восстановление

после нее, а ребенка оставить было не с кем. Дело в том, что пока он исполнял воинский долг, его жена завела любовника и, чтобы дочь не мешала голубкам, запирала ее в подпол и избивала за непослушание...

Вера помогла Алине не только свыкнуться с чужой обстановкой, но и наверстать упущенное в школе. Вскоре девочки стали не разлей вода. Через год отец вернулся за дочерью, а Алина встала в позу: «Без Веры никуда не поеду, она мне как сестра». Майор не раздумывал: «Тогда и ее забираем». Уехав в Москву, он собрал все необходимые документы на удочерение, выслал Вере новые платья, обувь и деньги на дорогу, договорился с воспитателем, которая должна была привезти ребенка... Но упертая Вера не согласилась.

Когда в 1951-м пришло время покидать детдом, уезжать жить в Магнитку и учиться на токаря, листок со сведениями о матери воспитатель не доверила девушке: «Письма порвала, и с ним так же поступишь. Немного повзрослеешь, одумаешься – верну». Однако не прошло и года, как после тяжелой болезни Нина Ногаева умерла, а ее семья не стала разбираться с рабочими документами – все сожгли.

...На этом поисковая история нашей героини прерывается, но не кончается. Потому что есть еще надежда на передачу «Жди меня». Что касается Верхнеуральского архива – все плачевно: из всех документов сохранились только немногочисленные бухгалтерские справки, а тот детдом, в котором воспитывалась Вера Щукина, был расформирован в 1966-м. Образованное в 96-м году учреждение для сирот расположилось в современном здании, и ему не до истории предшественников. Место старых детдомов заняли районный суд и жилой дом ☹

ЛЮДМИЛА БОРИШКИНА
КОллаж > ОЛГА ГАВРИЛОВА

> ИЗ ИСТОРИИ Сытная тыловая горбушка

Со слов научного сотрудника Верхнеуральского краеведческого музея Валентины Ефановой, во время Великой Отечественной войны в Верхнеуральский район вывезли четыре детских дома из Москвы и Подмосковья. Два из них разместили в поселках Карагайском и Сухтелинском, два других – в самом городе. Дети не были сиротами: их отцы воевали на фронте, матери работали на московских заводах, а ребят вывезли из прифронтовой зоны на Урал.

Дошкольное отделение московского интерната № 2 располагалось в больших и крепких купеческих домах, обложенных красным кирпичом, и сейчас можно найти в Верхнеуральске. Педагоги были в основном из Москвы. В сентябре 1943-го пришел вызов из столицы, и интернат выехал из Верхнеуральска, в городе остались только полные сироты, потерявшие к тому времени обоих родителей, и те, у которых не нашлись другие родственники. Еще один столичный детский интернат вернулся из Верхнеуральска домой в 1944 году, оставив на Урале 20 детей – полных сирот, которых в Москве никто не ждал. По непроверенным сведениям, именно в этом детдоме в годы войны работал старшим пионервожатым и воспитателем актер Московского театра драмы и комедии на Таганке, народный артист РСФСР Готлиб Ронинсон.

Из воспоминаний верхнеуральского воспитателя Ольги ЧЕРНЫШОВОЙ:

«Работая в интернате, я часто брала детей домой. Подкармливала овощами с огорода, хотя семья у нас была большая – шесть детей и без отца, хотелось всегда чем-то помочь этим детям. В доме установили четыре стола черного цвета, во время обеда все хотели получить горбушку – почему-то детям она казалась вкуснее и сытнее, поэтому каждый стол получал их по очереди».

Вспоминает воспитатель Нина НИКИФОРОВА:

«Московский детский дом располагался в двух домах: в одном ребята занимались и кушали из глиняных мисок, в другом – спали на железных койках. Дети были окружены вниманием и заботой, родные им присылали письма. Однажды пришло сообщение о гибели на фронте папы пятилетнего Кости Казачкова, Косте о смерти отца так и не смогли сказать...»

Хотя была война, детей кормили четыре раза в день. Печни-голландки топили торфом, готовили на обычной плите деревенского образца. Воду в бочке привозил на лошади рабочий комхоза. Все занятия проводили по плану, к каждому празднику готовили утренник. Зимой на участке лепили снежные фигуры, летом ходили на прогулку в поле, в «Буренин сад». Во время войны выходных у педагогов совсем не было, и работали без отпуска, зачастую по 12 часов, оплату не спрашивали. Была мне как-то повестка в военкомат, но заведующая детдомом сумела отстоять: в тылу тоже нужны люди, тем более что воспитатель заменял детям самого близкого человека – маму».

> Во время войны Верхнеуральский район приютил воспитанников четырех детдомов